

Известия. 1991.
15 ноября.

На лондонском аукционе — неизвестные письма Д. Шостаковича

150 писем Дмитрия Шостаковича, написанных им в 20-е годы, пойдут с молотка на аукционе «Сотби» в начале декабря. Лондонской «Дейли телеграф» предоставилась возможность познакомиться с ними.

Для Запада великий композитор, несмотря на его прижизненную известность и славу, во многом остается загадкой. Эти 150 писем, адресованных молодым влюбленным Дмитрием Тане Гливенко, рассказывают о нем многое. Мы эти письма не купим. Скорее всего, они попадут в архивы каких-то зарубежных музеев или богатых коллекционеров.

Это своего рода автопортрет начинающего музыканта, каким он был в 1923—1927 годах. 500 страничек рукописного текста — его заочные беседы с Таней, в которую он, тогда 17-летний студент консерватории, был влюблен. Познакомились они летом 1923 года, во время отдыха в Крыму. Шостакович, говорят, никогда не вел дневников и не оставил мемуаров. Впрочем, в более солидном возрасте доверять бумаге то, что было у него на сердце, стало уже опасно. Разве только нотной, да и то с оговорками, если вспомнить известное постановление, которое так грубо осудило его музыку. А перед своей любимой, которая жила в Москве (он — в Петрограде), Дмитрий ничего не скрывал.

Первое письмо датировано 11 сентября 1923 года. Шостакович сообщает Тане: только что закончил трио № 1 для скрипки, виолончели и фортепиано. Посвящено ей. Музыка, музыка, музыка.

«Заморозки» наступили позже. А 24 ноября 1923 года молодой, политически правоверный Шостакович с большим сожалением пишет своей московской подруге о последней новости из Германии: «Единственная партия, которая защищает интересы народа, то есть большинства, коммунистическая партия — сокращена. И теперь у них фашисты... Это означает, что один процент тех, кто наверху, то есть принцы, герцоги, аристократы, получают привилегии, снова они будут сосать кровь из пролетариата, делать людей рабами» (Приходится переводить с английского на русский по тексту, опубликованному в «Дейли телеграф»).

Не во всем он даже тогда ортодоксален. Оспаривает, например, расхожий партийный тезис — кино, мол, политически самый полезный из видов искусства. Саркастически отзываясь даже о нэпе, полагая, что он утвердит райскую жизнь на земле лишь через миллионы лет.

24 января 1924 года, тем не менее, пишет в Москву: «Я очень опечален, Таня, очень опечален». Речь идет о смерти Ленина. И тут же реагирует на предложение о переименовании Петрограда: «Что же, если я стану великим, как Ленин, город после моей смерти назвать Шостаковичград?»

А слава была уже совсем близко... Дмитрий писал о работе над своей первой симфонией, которая сразу сделала его знаменитым. Он рассказывает Татьяне о том, что один из консерваторских преподавателей, М. Штейнберг, буквально изорвал на куски третью часть произведения, приговаривая: мне нечего сказать о такой музыке.

Чтобы уплатить долги и взять напрокат пианино, Шостакович вынужден был пойти тапером в оркестр при кинотеатре. Произошел забавный эпизод, о чем он также написал своей девушке в Москву. Штейнберг и дирижер И. Манько пытались уговорить его выбросить еще один кусок из партитуры симфонии. Никакой оркестр не сможет-де его исполнить. Тогда Дмитрий пригласил своих друзей-музыкантов из кинотеатра, и они блестяще посрамили именитых наставников молодого композитора.

Музыка становится тем миром, где он чувствует себя лучше всего. Письмо от 9 февраля 1926 года. В нем — о струнном оркестре, созданном незадолго до этого:

«Слышать то, что получилось из моих бессонных ночей, плоды, что выросли в трудных условиях, и ощущать всем своим существом собственную творческую работу, когда ее исполняют, плоть от плоти, моя кровь — разве это не радость?»

Переписка прекратилась в 1927 году. Епереди была еще долгая жизнь, и радости — от музыки, и много горя, переживаний — от всего остального...

А. КРИВОПАНОВ,
сб. корр. «Известий».
ЛОНДОН.